КУ́ЛЬТ ДОМА́ШНИХ ЖИВО́ТНЫХ, одна из ранних форм религии, связанная с почитанием отдельных видов животных. Домашние животные представляли гл. богатство скотоводов Хакасии. Самым умным животным считалась лошадь, воспетая в героических сказаниях. Конь был верным другом чел., добросовестно служащим при его жизни, а после смерти сопровождавший его в загробный мир. Имена чел. и коня в тюрк. языках носят идентичное звучание «ат», т.к. в эпической жизни богатырь неразрывно связан со своим конем. При обычае побратимства назв. братья обменивались конями (ат алызып), при свадебном обряде невесту отдавали взамен коня «баш ат», при разводе с женой последней отдавался конь во всем снаряжении «ат-тон» и т.д. Каждый хак. сеок разводил лошадей определ. масти. Напр., «ах пора аттығ ах хырғыс, кок пораттығ кок хырғыс, хара пораттығ хара хырғыс» — белые кыргызы, имеющие бело-сивых коней; небесные кыргызы, имеющие небесно-сивых коней; черные кыргызы, имеющие черно-сивых коней.

Плеть, повод и уздечка коня имели сакральное значение. Ни поводом, ни уздечкой нельзя бить коня, иначе погибнет хозяин. Запрещалось заходить в юрту, держа в руках плеть и уздечку. Повод коня никогда не заносили в помещение. Отправляясь в путь, завязывали конец повода коня или аркана, чтобы дорога стала удачной. После выезда из дома, в течение трех дней нельзя подметать и мыть полы, дабы не смыть следы путника. Если в пути конь фыркает, то значит, дорога будет удачной. В связи с этим коню говорили: «Он пурнын ползын!» — т.е. будь здоров! После возвращения из поездки, до тех пор, пока не остынет пот лошади (тир соодарға), нельзя заходить в дом. От пота неостывшего коня могут заболеть находящиеся в юрте дети.

Если кобылица приносила двух жеребят (а цельнокопытным предопределено жеребиться одним детенышем), то существовал следующий обычай. Двойню отводили на берег реки и бросали в воду. Жеребенок, поплывший вверх против течения, оставлялся в доме хозяина. Тот, кто пойдет вниз по течению считался слабым и его отдавали беднякам. Если оба жеребенка поплывут вниз по течению, то не брали ни одного. Устраивали бега среди ребятишек и вручали их в кач-ве призов. Когда же оба жеребенка поплывут вверх, то считали за счастье и оставляли у хозяина.

После смерти хозяина ездовой конь получал спец. назв. «хойлаға». Как только начинали обряжать умершего чел., то хойлаға привязывали к дверям юрты. Его седло и чепраки располагали задом наперед. Гриву и хвост заплетали по часовой стрелке, т.е. также как косы вдовы.

К задним торокам седла прикрепляли шубу покойного, к-рая исполняла роль умершего хозяина. Хойлаға, привязанный у юрты, выдерживал траурное стояние (тулланғаны) до семи дней. На сороковые поминки хойлаға выводили на кладбище, три раза обводили против часов стрелки вокруг могилы, после чего забивали ударом ножа в затылок. Шкуру хойлаға снимали вместе с головой, конечностями ног и хвостом. Ниж. челюсть убирали, иначе, на том свете, хозяин не сможет управлять конем. Хвост и грива оставались заплетенными вместе с лентами «чалама». В ногах могилы устанавливали «чахы» — спец. дер. сооружение для вешания шкуры хойлага. Шкуру набрасывали на «чахы» т.о., чтобы голова смотрела в сторону заходящего солнца. Создавалось впечатление вида бегущей в небеса лошади. Тушу хойлага разделывали по суставам. Кости ломать запрещалось. На том свете верховой конь — хойлага опять станет служить своему умершему хозяину.

Скот запрещалось ласкать. Если хозяин сильно ласкал теленка, то ему говорили: «чырғалың полар!» — он станет тризной на твоих поминках. Если лелеяли жеребенка, то говорили: «тон сöогін тартар» — он повезет твой труп. У чел., часто ласкающего скотину, судьба может отыграться на детях, к-рые могут вырасти морально подавленными (сурні пасча). С др. стороны, большим преступлением считалось наносить побои скоту, а тем более забивать на мясо молодняк.

Прут, к-рым выгоняют скот на пастбище, имеет сакральное значение. Его обязательно приносят домой. Если прутья выбрасывать, то скот будет разбредаться и из дома уйдет счастье.

В том случае, когда лошади или коровы заночуют в степи и хозяин не может их найти, тогда применяли охранительную магию. Дома завязывали рукава муж. шубы, дабы у воров онемели руки. Поясом стягивали вместе голенища сапог, чтобы спутать ноги скота и парализовать его дальнейшее движение. Затем втыкали в порог или в прав. косяк двери нож или открытые ножницы, чтобы пасть хищных зверей при попытках схватить скот испытывала боль. В завершение читали заклинание: «Пусть скот, оставшийся в степи, переночует невредимым!»

Указанные магические приемы использовались кочевниками с древнейших времен. Так, например, гунны во время боевого похода приказывали шаманам связывать ноги лошадям, чтобы вызвать ответное схожее действие, парализовать коней противника, лишить их возможности двигаться.

Во время отела коров применялись запреты. Первое молоко сдаивают, пропуская соски сквозь серебр. кольцо, дабы никто не сглазил. «Закольцованное» молоко становится недоступным для нечистой силы и колдунов (сыбыраuхы). Кольцо служит оберегом против опухоли сосцов. В том случае, когда заболит вымя коровы, то молоко сцеживают сквозь отверстие дырявого камня, к-рый носят привязанным к дойному ведру. После такой процедуры надоенное молоко отдается вылакать собаке, чтобы окончательно покончить со злыми силами. В нек-рых случаях для снятия боли в вымени коровы применяли медвежий коготь, обувь вдовы или женщины, родившей двойню. Носком прав. обуви три раза проводили по опухоли. Вероятно, и вдова, и рожающая двойню женщина, окружены особыми покровителями. Послед — «намыс» убирали на крышу скотного двора и не давали обнюхать животному, иначе не будет приплода.

Селекционный отбор осуществлялся в отношении мелкого рог. скота. В отару отбирали овец, приносящих во время окота двух ягнят. Однако, если овцы, а тем более козы, приносили трех ягнят (ес ара), то это считалось проделками злых духов — «езет», ибо парнокопытные животные могут родить только пару детенышей. Если у овцы или козы родится трое детенышей, то одного обязательно надо отдать. По этому случаю устраивались соревнования в беге между невестками — «килін чарыс». Наперегонки бежали 2–3 свояченицы, сваты к-рых бились об заклад. Победившая в соревновании невестка в кач-ве приза получала ягненка и в ответ благодарила словами: «Пусть ваши овцы, приносящие тройню, достигнут численности трех тысяч!»

В домашнем х-ве хакасов козы, а до нач. 20 в. и свиньи, практически не держались, ибо относились к дьявольскому созданию Ирлик-хана. Во время грома к козе старались не подходить близко. Ок. нее могла прятаться нечистая сила, к-рую поражает Громовержец своей стрелою. Высушенную голову козла употребляли при лечении малярии. Ее засовывали за пазуху больного во время сна.

На скотном дворе запрещалось кричать, ругаться, опорожняться и т.п. Дух-хозяин скотного двора «хазаа ээзі» может рассердиться и забрать жизненную силу животных (мал худы). Чтобы его ублажить, по углам скотного двора расставляли хлеб и соль. При чистке сараев в углу оставляли небольшую кучку навоза на счастье.

Хрупкое счастье (ырыс) хак. скотовода охранялось суеверными обычаями и обрядами. Для «удержания» счастья в доме обязательно оставляют в жилище частицу удаляемого. Например, хакасы при дарении или продаже скота вырывали из паховой части, а также из сер. хвоста три клочка шерсти со следующим заговором: «Пусть не уйдет счастье, пусть не уйдет жизненная сила, пусть все останется в жилище!». Вырванную шерсть смачивали слюной скота, скручивали в комок, прятали в юрте или засовывали за меховую опушку шубы. Такой обычай носил назв. «тӱктирге» — букв. шерстить.

Еле передвигающиеся или уродливые молодые животные считались взвалившими на себя благополучие скота («кизик») и находятся под его бременем. Их нельзя продавать, иначе у хозяина уйдет счастье.

Мелкий рог. скот забивали на мясо способом «ӧзеп», т.е. разрезали диафрагму и разрывали аорту, проходящую вдоль позвоночника. Кр. рог. скот и лошадей убивали способом «чӱлӱмнеп», т.е. ударом ножа в затылок под первый шейный позвонок. Запрещалось резать животное на голодный желудок. Голову забиваемого скота разворачивали в сторону захода солнца и произносили: «Сағаа чазых, мағаа азых!» — Тебе грех, а мне пища!

Кости животного расчленяли ножом по суставам. Ломать их запрещалось. Если кости разрубали, то думали, что у хозяина скот переведется и не станет счастья. Только расчлененный по суставам костяк животного может, якобы, опять возродиться. Черепа баранов, козлов и лошадей вешали на изгородь. Верили, что они служат оберегом скотного двора («хазаа хадарчызы»).

Лит.: Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.

В. Я. Бутанаев, К. М. Торбостаев